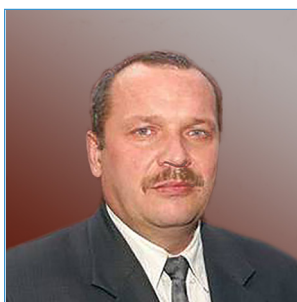


Т е м а н о м е р а : Консолидация общества

Проблемы консолидации местных сообществ



Бабинцев Валентин Павлович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных технологий,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Проблемы консолидации местных сообществ

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.396](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.396)

Аннотация. В статье анализируются возможности консолидации местных сообществ, под которыми понимаются жители различных муниципальных образований – от сельского поселения до городского округа. Обосновывается, что необходимость консолидации определяется как задачей воспроизводства местного сообщества, так и повышением его конкурентоспособности. Консолидация рассматривается как процесс и результат достижения согласия между жителями, установления отношений взаимного доверия, сотрудничества в условиях объективно существующей социальной дифференциации. На основе опыта реализации в Белгородской области «Стратегии формирования регионального солидарного общества» в течение последних пяти лет доказываем, что консолидация социума начинается именно на местном уровне как установление доверительных отношений в соседско-родственной территориальной общине. В качестве стартера консолидационного процесса на местном уровне выступает феномен солидарности как установки массового сознания. Он включает в себя три взаимосвязанные позиции: во-первых, намерение поступать сообразно справедливости; во-вторых – лояльность, представляющую собой, согласно Т. Парсонсу, готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности; в-третьих – добровольная готовность и способность нести ответственность за свои действия в соответствии с правовыми и нравственными нормами. Анализ результатов мониторинга «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества», проведённый в регионе в сентябре–октябре 2015 г. кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 1000 респондентов; выборка многоступенчатая, квотная), показывает, что минимизация возможностей консолидации на местном уровне связана не только с социальной дифференциацией муниципальных образований, но и с дискредитацией в сознании населения значительной части ценностей справедливости и лояльности, низким уровнем институционального и межличностного доверия.

Ключевые слова: местное сообщество, муниципальное образование, муниципальная власть, солидарность, справедливость, социальная конъюнкция, социальная дизъюнкция, консолидация, лояльность

В социальном пространстве России, характеризующемся сочетанием внешней упорядоченности, обеспеченной преимущественно методами административного управления, и внутренней неустойчивости, определяющейся дефицитом конвенционально признанных большинством населения ценностно-смысловых комплексов, становится исключительно актуальным вопрос о возможности консолидации различных групп и территориальных общин. В частности, местных сообществ, под которыми мы понимаем жителей различных муниципальных образований – от сельского поселения до городского округа.

Острота проблемы консолидации на этом уровне обусловлена рядом причин. Прежде всего следует учитывать нарастающую субкультурную дифференциацию территориальных общин, особенно ярко проявляющуюся в сельской местности, в традиционной среде которой она наиболее заметна. Российские социологи, в частности, выделяют сосуществование и неизбежную конкуренцию в условиях села нескольких относительно слабо связанных между собой «культур» (точнее, субкультур): «культуру» коренных жителей, ведущих привычный инерционный образ жизни, сезонную «культуру» дачников и «помещиков», в основном обеспечиваемую ресурсами за счёт импорта из городов; «культуру» местных людей, находящихся «в отходе» (временно работающих по найму преимущественно в крупных городах), и людей, скрыто занятых (и членов их семей) [Российская провинция... 2011: 11].

В городских условиях субкультуры формируются на иной основе. Однако они также порой заметно различаются между собой. Показательно в данной связи существование молодёжной субкультуры, которая по многим параметрам является отрицанием значительной части паттернов «культуры взрослых». Т. И. Морозова подчёркивает в данной связи, что «молодёжным сознанием отторгается ценностно-смысловой комплекс, формирующийся на основе представлений, восходящих, в конечном итоге, к общинному (соборному) началу социальной жизни с его установками на солидарность и круговую поруку, на готовность и способность личности к социальному дарению. В свою очередь активно утверждаются традиционные ценности западной индустриальной и постиндустриальной цивилизации: представление о человеке как деятельностном существе, рационализм, установка на инновации и прогресс, понимание власти не только как власти над личностью, но и над другими объектами; эффективные (то есть приводящие к запланированному результату при минимальных необоснованных издержках) знания и технологии» [Морозова 2013: 24].

Острота проблемы консолидации на местном уровне обусловлена рядом причин. Прежде всего – нарастающей субкультурной дифференциацией территориальных общин.

В городских условиях субкультуры порой заметно различаются между собой. Показательно в данной связи существование молодёжной субкультуры, которая по многим параметрам является отрицанием значительной части паттернов «культуры взрослых».

Существенную роль в дифференциации местных сообществ в последние годы играет фактор мигрантов, которые во многих случаях отказываются интегрироваться в сложившуюся социокультурную среду. При этом отличающиеся от коренного населения этнические мигранты, как правило, обладают более солидным, по сравнению с «аборигенами», социальным капиталом, с одной стороны, опирающимся на клановые связи, с другой – на вертикально организованные структуры, чья поддержка обеспечивается материальными и нематериальными способами, и используют его в конкуренции с соседями. Группы мигрантов активно консолидируются, «замыкая» на себя значительную часть властных ресурсов. Уже сегодня «во многих муниципалитетах, особенно выморочных¹, местная власть взаимодействует с мигрантами эффективнее, чем с коренным населением. Причины называются очевидные: приезжие, претендующие на общие с местными ресурсы, действуют так, как не могут местные: они покупают доступ к ресурсам у их официальных распорядителей. Местных жителей сдерживает общественное мнение, круговая порука и психологическая неготовность вступить в такие отношения с представителем власти» [Российская провинция... 2011: 13].

Обеспечение интеграции мигрантов в состав местного сообщества в целом – один из аспектов проблемы консолидации местного сообщества, который тесно увязывается с вопросом о взаимоотношениях органов муниципального управления и населения. В настоящее время во многих муниципалитетах эти отношения характеризуются высоким уровнем взаимного отчуждения и недоверия.

Усиление социальной дифференциации в сочетании со взаимным отчуждением граждан и власти имеет ряд негативных следствий. Во-первых, жизнь значительной части населения муниципальных образований сопровождается ощущением социального дискомфорта, личной незащищённости. Во-вторых, дезинтегрированные муниципалитеты оказываются недостаточно конкурентоспособными, поскольку в современных условиях конкурентоспособность в значительной мере определяется именно качеством социального капитала местных сообществ.

В-третьих, местные власти, обладающие ограниченным набором ресурсов, не позволяющим им конструктивно решать многие проблемы, всё чаще обращаются к использованию имитационных практик, представляющих собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются

¹ «Выморочными» авторы считают муниципальные образования, не имеющие перспектив развития в силу демографической структуры, ресурсной ограниченности, транспортной недоступности и других причин [Российская провинция... 2011: 13].

Существенную роль в дифференциации местных сообществ в последние годы играет фактор мигрантов, которые во многих случаях отказываются интегрироваться в сложившуюся социокультурную среду.

Усиление социальной дифференциации в сочетании с отчуждением граждан и власти имеет ряд негативных следствий. Во-первых, жизнь части населения сопровождается ощущением личной незащищённости. Во-вторых, дезинтегрированные муниципалитеты оказываются недостаточно конкурентоспособными. В-третьих, местные власти всё чаще обращаются к использованию имитационных практик.

и подменяются симуляциями в формах демонстраций, деклараций и декораций. В повседневную реальность, несмотря на кризис, всё чаще внедряются чисто карнавальные элементы (праздники, юбилеи, форумы и т. п.), назначение которых их инициаторы видят в компенсации издержек усиливающейся социальной дифференциации.

Таким образом, решение широкого комплекса проблем муниципальных образований – от укрепления доверия внутри местного сообщества до наращивания их социально-экономического потенциала и социального воспроизводства – всё жёстче увязывается с проблемами консолидации. При этом, как показывает опыт реализации в Белгородской области стратегии формирования регионального солидарного общества в течение последних пяти лет, консолидация социума начинается именно на местном уровне как установление доверительных отношений в соседско-родственной территориальной общине.

Солидарность и консолидация: уточнение понятий

Необходимой предпосылкой для решения комплекса технологических задач является теоретический анализ феноменов солидарности и консолидации.

Идея консолидации современных сообществ довольно часто изначально отвергается на основе аргумента, что в высшей степени социально-дифференцированном обществе, где действуют группы не просто с различными, но противоположными интересами, невозможно достичь единения. При этом солидарность как основа консолидации рассматривается в качестве показателя такого единства, что, по нашему мнению, некорректно в теоретическом отношении, поскольку связано с отождествлением категорий «социальная однородность» и «целостность общества», не совпадающих по своему значению [Клачков, Подъяпольский 2014: 21–32].

Мы считаем ошибочной расширительную трактовку понятия «солидарность» как характеристики социально однородного общества и рассматриваем её лишь как установку общественного сознания. В основе данной установки лежит признание того обстоятельства, что функционирующие в социуме группы и индивиды, несмотря на присущие им различия, потенциально совместимы, способны к сотрудничеству, особенно в тех случаях, когда речь идёт о сохранении системы. В данной связи уместно сослаться на А. Бергсона, который утверждал, что «социальная сплочённость в значительной мере связана с необходимостью для членов данного общества защищаться от других обществ» [Бергсон 1994: 33].

В рассматриваемом контексте консолидация местных сообществ представляет собой, во-первых, достижение согласия жителей, принадлежащих к различным социальным группам, о возможности и необходимости слышать и понимать друг друга; во-вторых – установление отношений взаимного доверия; в-третьих – поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в собственных интересах и интересах местного сообщества в целом. Практическая реализация этих установок означает формирование атмосферы муниципальной солидарности. И сегодня крайне важно оценить перспективы её возникновения.

Противоположный по своему вектору процесс взаимного отчуждения акторов муниципального пространства вполне может быть определён как социальная дизъюнкция. О. А. Кармадонов характеризует её как процесс «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [Кармадонов 2015: 11]. Дизъюнкция не просто редуцирует социальный капитал муниципалитетов, но и делает проблематичным их социальное воспроизводство.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой анализа проблемы консолидации местных сообществ послужил упомянутый выше социологический мониторинг «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества», реализующийся в Белгородской области с 2011 г. кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета в 19 муниципальных районах и трёх городских округах. Мониторинг включает ежегодный опрос 1000 респондентов по методике многоступенчатой квотной выборки.

Кроме того, нами использовались материалы исследования Д. В. Давтян «Технологии гражданского контроля в практике местного самоуправления: сущность, механизмы реализации, социальные следствия», проведённого в мае–июне 2013 г. в Белгородской области; опрошено население в трёх городских округах и четырёх муниципальных районах (опрошено 700 жителей муниципальных образований, 400 муниципальных служащих и 30 экспертов).

Консолидация местных сообществ представляет собой, во-первых, достижение согласия жителей, принадлежащих к различным социальным группам, о возможности и необходимости слышать и понимать друг друга; во-вторых – установление отношений взаимного доверия; в-третьих – поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в собственных интересах.

Справедливость как основа солидарности

В ходе исследований мы исходили из того, что феномен солидарности, выступающий в качестве стартера консолидационного процесса, включает в себя три взаимосвязанных установки сознания:

1. Намерение поступать сообразно справедливости.
2. Лояльность, то есть, согласно Т. Парсонсу, «готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [Парсонс 1998: 26].
3. Добровольная готовность и способность нести ответственность за свои действия в соответствии с правовыми и нравственными нормами.

При таком понимании солидарности становится ясным, что достижение её не требует единомыслия, не предполагает установления всеобщего равенства и объединения жителей муниципального образования в рамках какой-либо одной организации. Однако каждая из заявленных позиций требует разъяснения, поскольку речь идёт о далеко неочевидных вещах, специфически трактуемых в рамках российской социокультурной традиции.

Прежде всего, необходимо прояснить содержание ключевой для российской культуры категории справедливости, рассматриваемой в качестве универсальной ценности. С точки зрения В. С. Соловьева, именно понятие справедливости соответствует основному принципу альтруизма, требующему признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признаётся каждым за самим собою. К тому же представление о справедливости наиболее прочно связывается с исканием правды [Соловьев 1988: 188].

И показательно, что апелляция к справедливости была своеобразным источником общественных перемен. Примечательно в данной связи: дискуссии о содержании справедливости актуализировались в последнее время, что допустимо рассматривать как своеобразный симптом назревших общественных изменений. Целесообразно сослаться в данной связи на мнение М. К. Горшкова, который пишет: «Интерес к обеспечению социальной справедливости (31%) является более ситуативным, возрастая в сложные моменты жизни россиян, неспособных справиться с теми или иными проблемами самостоятельно» [Горшков 2011: 286]. Отмеченная автором тенденция, несомненно, имеет место, что, впрочем, не отрицает вывода о справедливости как одной из базисных ценностей российской культуры и не даёт основания анализировать её только в ситуативном контексте.

В то же время, очевидно: «Понимание важности справедливости даётся человеку через её, справедливости, недостаток» [Крупник 2010: 106]. Но именно на дефицит справедливости сегодня ссылается значительное число граждан России. Проведённый нами мониторинг показал, что в 2015 г. реализацией принципа социальной справедливости были удовлетворены лишь 22,0% опрошенных. Остальные респонденты разделились почти поровну на тех, кто не удовлетворены ею (38,7%) или же затруднились с ответом (39,2%). По сравнению с 2014 г. (36%) уровень удовлетворённости резко упал.

Различные исследования выявляют весьма характерное противоречие. С одной стороны, как показывает и наш мониторинг, справедливость по-прежнему относится к числу основных ценностей россиян (среди белгородцев важность её отметили в 2014 г. 29,9%, а в 2015 – 44,2% респондентов). Но, с другой стороны, люди, прежде всего молодёжь, всё меньше верят в возможность её реализации. По данным исследований Т. И. Морозовой, в 2012 г. в торжество справедливости верили немногим более 4% молодых людей в российских регионах [Морозова 2013: 155].

Мы полагаем, что в современной ситуации консолидация жителей муниципального образования, как и любого другого сообщества в России, невозможна без установления в нём отношений, рассматриваемых гражданами как справедливые. Но столь же очевидно, что в российском обществе нет более или менее ясной конвенции относительно понимания справедливости. Рассматривая её в качестве меры, определяющей соотношение деяния и воздаяния за него, россияне допускают различные принципы, на основе которых формируется эта мера. Среди них: принципы равенства, величины трудового вклада, соответствия закону, соответствия заслугам.

Эмпирические исследования показывают, что несовпадение подходов к справедливости ведёт к расхождению в оценках того, какие явления следует рассматривать в качестве отклонения от неё. Ключевыми и, наверное, наиболее раздражающими людей проявлениями социальной несправедливости являются резкое разделение на богатых и бедных (его в ходе нашего мониторинга в 2015 г. отметили 38,3% опрошенных), безнаказанность тех, кто обладает деньгами и связями (36,0%), отсутствие равных возможностей для получения хорошей работы и построения карьеры (23,9%). Достаточно значимый «вклад» в девальвацию принципа социальной справедливости вносит власть – её безразличие к мнению людей в качестве источника несправедливости отметили 19,8%. Почти столько же – 18,3% указали на невозможность для простых людей защитить свои права и 17,4% – на нарушение принципа «закон один для всех». Существенное значение имеет также отсутствие равного доступа к здравоохранению и образованию

В современной ситуации консолидация жителей муниципального образования, как и любого другого сообщества в России, невозможна без установления в нём отношений, рассматриваемых гражданами как справедливые.

(17,8%). Безусловно, все указанные позиции могут рассматриваться как подтверждение несправедливых отношений. Но не менее существенно, что ни один из вариантов ответа не собрал более половины сторонников. И это наглядно свидетельствует об отсутствии консенсуса в принципиально важном вопросе. Вероятно, пока большинство населения не сумеет договориться относительно непреложности одного из них, солидарность останется лишь иллюзорной возможностью.

Проблема заключается и в том, что, пожалуй, за исключением трактовки справедливости как действия, опирающегося на норму закона, ни одна из других не предполагает относительно объективных измерителей. Однако трактовка справедливости как «жизни по закону» не подкрепляется культурно-историческим развитием России, в процессе которого право и правосознание чаще всего вытеснялись на периферию сознания иными феноменами, представляющимися более значимыми в глобальном плане. Идея ограниченности закона по сравнению с благодатью нашла отражение ещё в «Слове о законе и благодати» киевского Митрополита XI Илариона, которое следует рассматривать как одно из классических изложений базисных ценностей российской цивилизации. В ходе его полемики с иудаизмом прослеживается очевидная дихотомичность, при которой каждой из отвергаемых иудейских ценностей противопоставляется ценность положительная – христианская: закону – благодать и истина; мирскому – небесное; эгоизму – любовь. В первую очередь закон противопоставляется Иларионом благодати и истине и, хотя и получает известное историческое оправдание, отрицается во имя последних в актуальном и грядущем смысле: «Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служители будущего века, жизни нетленной» [Златоструй 1990: 107].

В рамках данной традиции справедливость в российском (в основе своей русском, православно-христианском) сознании обычно рассматривалась как нечто более важное, чем закон. Негативным следствием этого были – и в значительной степени остаются – неразвитость правосознания и правовой нигилизм, который, как подтверждают исследования А. В. Роговой, по-прежнему является характерной чертой российской культуры [Роговая 2014: 32].

Поскольку в определении сущности справедливости жители муниципальных образований в большинстве своём не могут достичь единства, а нормы права не воспринимаются ими в качестве безусловных требований, постольку фактически отсутствует реальная ценностно-нормативная основа консолидации, что существенно снижает её возможность.

Проблема в том, что, пожалуй, за исключением трактовки справедливости как действия, опирающегося на норму закона, ни одна из других не предполагает относительно объективных измерителей. Но такая трактовка не подкрепляется культурно-историческим развитием России.

«Горизонтальная» лояльность и ответственность в местном сообществе

Не менее сложные проблемы возникают при попытке осуществить дефиницию категории «лояльность» и определить перспективы установления отношений лояльности в современных местных сообществах. Лояльность – это модель поведения, являющаяся откликом на действия контрагентов, в основе которой лежит представление об их комплементарности (действительной или мнимой) субъекту оценки. Лояльное поведение, если опираться на веберовскую концепцию легитимности, в сущности, представляет собой её проекцию на межличностные отношения. Оно может быть следствием влияния самых различных факторов: сохранения традиционных связей и отношений; рационально мотивированного ожидания выгоды как платы за личную благонадёжность; ощущения харизмы, подчинения силе.

С лояльностью непосредственно связана ответственность личности, в основе которой лежит готовность и способность признать взаимосвязь собственных действий с принятыми в обществе нормами; с другой стороны – с их непосредственными следствиями. Социум, как правило, может добиться признания этих связей принудительными методами. Однако в концепции солидарности заложена идея о добровольности данного акта, которая возможна лишь при условии восприятия других людей в качестве потенциальных или реальных партнёров при решении жизненных проблем. Отношение к ним как к конкурентам исключает лояльность и дискредитирует саму возможность настаивать на ответственности за что-либо.

Безусловно, допускается множественная лояльность (и, соответственно, многовекторная ответственность), предполагающая готовность откликаться на вызовы от различных субъектов взаимодействия. В условиях муниципального образования такими субъектами могут быть: семейно-родственное окружение, трудовая ассоциация, община в целом, органы власти и общественные формирования, в том числе и социальные сети.

Попытка дать эмпирическую оценку возможностям установления к ним отношений лояльности выявила неоднозначность ситуации. При этом мы исходили из того, что предпосылкой лояльности является удовлетворённость субъекта социального действия отношениями, складывающимися с тем или иным контрагентом. Разумеется, мы не утверждаем, что удовлетворённость человека отношениями с тем или иным (индивидуальным или коллективным) участником взаимо-

Лояльное поведение представляет собой её проекцию на межличностные отношения и может быть следствием влияния различных факторов: сохранения традиционных связей и отношений; рационально мотивированного ожидания выгоды как платы за личную благонадёжность; ощущения харизмы, подчинения силе.

действия автоматически конвертируется в лояльность к нему. Но, в любом случае, в ситуации неудовлетворённости ожидать лояльности очень трудно.

Очередной этап мониторинга «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества» (2015 г.) позволил выявить, что более всего респонденты удовлетворены отношениями в семье и отношениями с родственниками. В первом случае доля удовлетворённых составила 83,7% при 3,6% неудовлетворённых; во втором – соответственно 85,9 и 8,6%. Примечательно, что по сравнению с аналогичным исследованием 2014 г., удовлетворённость отношениями в семье в 2015 г. несколько выросла.

Таким образом, можно утверждать, что развитие кризисных тенденций в обществе, негативно сказываясь на степени удовлетворённости реализацией принципа справедливости, оказывает противоположное влияние на семейно-родственные связи. Человек в сложных ситуациях всё ближе воспринимает их, отчётливее выражая потенциальную готовность быть полезным семье и близким, отвечать за их благополучие. В турбулентной социальной среде семья становится единственно надёжным прибежищем. Семейно-родственная ориентация лояльности мотивирована преимущественно традицией, хотя не исключаются и иные факторы её формирования. Однако нельзя не учитывать, что объективно такое ощущение усиливает отчуждение от иных контрагентов, стимулируя консолидацию в её редуцированной (безусловно, это не означает – негативной) форме. Семья в настоящее время всё чаще выступает своеобразным оппонентом другим акторам местного сообщества. Правда, её оппозиционность имеет по преимуществу латентный характер.

Удовлетворённость жителей муниципальных образований отношениями в трудовом коллективе также достаточно высока (54,4% удовлетворённых при 7,3% неудовлетворённых) и остаётся сравнительно стабильной. В 2014 г. 54,8% респондентов отметили, что они ими удовлетворены; неудовлетворённость высказали только 8,3% участников опроса. Однако нельзя не учитывать, что трудовые ассоциации в современной России характеризуются низким уровнем субъектности. Во многом потому, что члены трудовых ассоциаций реально не сплочены в рамках общественных (профсоюзных) объединений. Членство в них носит формальный характер, а профсоюзные лидеры обычно послушно следуют в фарватере руководства. Они, как правило, не способны сформулировать консолидированные требования в отношении не только внешних акторов, но и своих сотрудников. Итоги исследований, проведённых специалистами Института социологии РАН, дают основания для заключения: «Россия – страна подчинённых. Это ясно доказывают итоги опросов. Большинство

Развитие кризисных тенденций в обществе, негативно сказываясь на степени удовлетворённости реализацией принципа справедливости, оказывает противоположное влияние на семейно-родственные связи. Человек всё ближе воспринимает их, выражая готовность быть полезным семье.

работников лишены возможности выбора даже в тех аспектах трудовой жизни, где имеют право что-то решать сами» [Добрынина 1016: 13]. Лояльность и, следовательно, ответственность в этом случае ориентированы, как правило, на руководителя и обеспечиваются преимущественно административными методами.

В какой-то мере аналогичная ситуация складывается в отношениях жителей муниципальных образований с согражданами, не находящимися в семейно-родственных и соседских отношениях с респондентами. Уровень удовлетворённости здесь ниже, чем на более коротких социальных дистанциях: 62,1% опрошенных удовлетворены такими отношениями и 13% – не удовлетворены (при 24,7% затруднившихся с ответом). Большинство респондентов всё же воспринимают эти отношения по преимуществу позитивно. Но проблема заключается в том, что сограждане, олицетворяющие для конкретного человека местное сообщество, не могут сформулировать чёткие требования к личности, поскольку разобщены, пассивны и зачастую руководствуются несовпадающими ценностями. В результате проблематичной становится возможность идентификации конкретного индивида с местной общиной, что минимизирует перспективы социальной конъюнкции. Под последней в данном случае понимается «процесс, ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» [Кармадонов 2015: 11].

Институциональное доверие как возможность

Но более всего консолидацию местного сообщества затрудняет отчётливо выраженное отчуждение между властью и населением, базирующееся на низком уровне взаимного доверия и недостаточной удовлетворённости граждан отношением к ним представителей органов местного самоуправления и должностных лиц.

Последний этап мониторинга «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества» (2015 г.) показал, что в Белгородской области главам местного самоуправления городского округа (муниципального района) доверяют 31,7%, не доверяют 29,0%. Главам городского (сельского) поселения доверяют 35,6%, не доверяют 28,5%. Примечательно, что относительно низким доверием пользуются даже представительные органы местного самоуправления. Депутатам муниципальных советов, в частности, доверяют 31,1%, не доверяют 27,2% опрошенных. Членам земских собраний доверяют 19,9%, не доверяют 23,7%.

Более всего консолидацию местного сообщества затрудняет отчётливо выраженное отчуждение между властью и населением, базирующееся на низком уровне взаимного доверия и недостаточной удовлетворённости граждан отношением к ним представителей органов местного самоуправления.

При этом недоверие взаимно. Муниципальные руководители и чиновники настороженно относятся к собственному населению, скептически воспринимая, в частности, идею его гражданской активности, проявляющуюся в той или иной форме. Д. В. Давтян на основании комплекса исследований заключает: «Местная власть, как правило, в значительной степени «закрыта» и неспособна оценить возможности реального гражданского контроля и активности граждан, содействовать их развитию. Деятельность органов местного самоуправления (особенно исполнительно-распорядительных) довольно часто направлена на решение двух основных задач – ограничить сферу влияния институтов гражданского общества и «встроить» их в рамки бюрократической системы посредством имитаций и манипуляций гражданской риторикой. Муниципальные власти, как правило, не предлагают местному сообществу ценностно-ориентированной стратегии развития» [Давтян 2015: 100].

Социологи из других регионов фактически приходят к тем же выводам. В частности, как сообщил региональный омбудсмен, исследования, проведённые в Орловской области в 2015 г. (N = 400), показали, что лишь около 30% чиновников рассматривают граждан в качестве «активных субъектов социальных взаимодействий» [Передельский 2016: 10].

Недоверие к власти дополняется низким уровнем удовлетворённости её действиями. Только 21,4% опрошенных в ходе нашего исследования остались неудовлетворёнными отношением к ним со стороны представителей власти, сотрудников государственных и муниципальных учреждений. Довольны ими только 37,5%. Остальные затруднились ответить, что, на наш взгляд, объясняется довольно просто – они не ощущают реального участия муниципальных властей в решении своих жизненных проблем.

Относительно низким остаётся и уровень удовлетворённости населения действиями муниципальной власти в целом. В 2015 г. этот показатель составил в городских (сельских) поселениях 34,8%, в городских округах и муниципальных районах – 33,6%.

В сложившейся ситуации трудно рассчитывать на лояльность граждан в отношении власти и готовность в случае необходимости отвечать перед нею за свои действия. Напротив, исходящие от власти требования воспринимаются значительной частью населения равнодушно, а в некоторых случаях даже враждебно.

В условиях, характеризующихся ограниченной лояльностью к местной (впрочем, как и любой другой) власти, можно было бы ожидать, что граждане компенсируют её дефицит готовностью отвечать на вызовы, идущие от общественных объединений и социальных сетей. Но общественные организации

в большинстве российских муниципальных образований слабы и маловлиятельны. Членство в них не носит массового характера. Как показало исследование «Технологии гражданского контроля в практике местного самоуправления: сущность, механизмы реализации, социальные следствия», проведённое Д. В. Давтян, в общественных объединениях состоят только 14% жителей муниципальных образований. Авторитет многих из этих организаций, пожалуй, за исключением обществ, занимающихся решением социальных проблем и некоторых патриотических объединений, пока низок, ресурсы ограничены, что лишает их возможности быть заметными игроками в общественном пространстве и уверенно требовать от жителей реализации моделей поведения, ожидаемых их лидерами. Речь в данном случае идёт о так называемых формальных объединениях, для которых типичны нормативно закреплённые цели, жёсткость норм, наличие бюрократического аппарата и фиксированное членство. Такие организации, как правило, становятся аффилированными с властью, без поддержки которой они не могут функционировать, и часто воспринимаются гражданами как трансляторы её воли. В результате негативное отношение к властным структурам переносится на объединения, часто не имеющие с нею (по меньшей мере, формально) прямой связи.

В значительно меньшей степени эти черты присущи реальным и виртуальным социально-сетевым объединениям. Они, как подчёркивал Э. Тоффлер, имеют горизонтальный, а не вертикальный характер, адаптивны, а лидерство в них основано на компетентности и личностных качествах [Тоффлер 2009: 244–247]. К сожалению, проблема лояльности россиян сетевым структурам изучена недостаточно. Обладая высоким потенциалом консолидации населения, социальные сети в России пока редко его используют. Особенно это проявляется во взаимодействии с властными структурами. Согласно упомянутому исследованию Д. В. Давтян, с органами местного самоуправления посредством интернета контактировали лишь 5% респондентов. Только 20% полагают, что интернет является инструментом для контроля над властью [Давтян 2015: 92].

Тем не менее, именно социальные сети в перспективе способны стать своеобразными опорными площадками консолидации местных сообществ. Но для этого их участники, по меньшей мере, должны понять и принять идею солидарности в качестве установки сознания и основы поведенческой модели не только применительно к кругу своих референтов, но и большинству жителей муниципалитетов. На практике часто это сделать крайне сложно в силу доминирования во многих сетях индивидуального и группового эгоизма.

Общественные организации в большинстве российских муниципальных образований слабы и маловлиятельны. Членство в них не носит массового характера.

Кроме того, нельзя не признать – идея солидарности с огромными сложностями не только интериоризируется, но и просто воспринимается населением, руководствующимся по преимуществу индивидуалистическими ценностями. В частности, в Белгородской области с 2011 г. реализуется стратегия формирования регионального солидарного общества. Но, несмотря на это, согласно данным упомянутого мониторинга, в 2015 г. только 20,0% респондентов слышали о её реализации. У многих респондентов отсутствует ясное понимание сущности социальной солидарности. Немногим более половины (59,7%) из них убеждены: они представляют, что это такое. Возможность создания солидарного общества в регионе в обозримой перспективе допускают лишь 17,0% жителей, 24,7% считают это возможным в отдалённом будущем.

Высокую степень пессимизма в отношении перспективы утверждения солидарных отношений и на их основе – консолидации общества не следует объяснять только спецификой присущих гражданам ценностно-смысловых комплексов, хотя данное обстоятельство, несомненно, имеет место. Она определяется и особенностями социального мышления наших соотечественников. Всё более утверждающееся в массе населения фрагментарное восприятие реальности делает человека малоспособным понять содержание социальных феноменов, непосредственно не замкнутых на ситуативные обстоятельства, главным образом утилитарно-потребительского характера.

В ещё большей степени пессимизм провоцируется действительными взаимоотношениями, складывающимися между основными акторами муниципального сообщества в том виде, в каком их представляет обыватель. В массовом сознании социальная структура любого муниципалитета выстраивается для него по модели триады: власть, бизнес, народ. При этом под «народом» понимаются все те, кто не имеет особых социальных предпочтений, обеспечиваемых статусом чиновника, либо наличием капитала. Это основная масса населения муниципального образования. Разумеется, признаётся существование периферийных по отношению к власти и бизнесу групп, которые в большинстве случаев тесно связаны друг с другом, но большая часть отделена от них и во многих отношениях противопоставлена.

Возможность солидарности с властью и бизнесом при таком подходе исключается или же рассматривается в качестве весьма сомнительной. И эта установка характерна для большинства представителей каждой группы. Реальной причиной подобного отношения является более или менее ясное понимание существенного несовпадения диспозиций акторов, что, несомненно, имеет место на практике.

Идея солидарности с огромными сложностями не только интериоризируется, но и просто воспринимается населением, руководствующимся по преимуществу индивидуалистическими ценностями.

Диспозиция муниципальной власти в настоящее время может быть определена как административно-дистрибьютерская. Она распределяет ограниченные ресурсы, используя главным образом административные механизмы и имея при этом возможность обеспечить более или менее (как правило, это зависит от объёма ресурсов, но не от нравственных табу) комфортные условия. Диспозиция бизнеса, в свою очередь, – эгоистически-потребительская. Бизнес ориентирован на получение прибыли, чаще всего достигаемой любой ценой, на накопление и «проживание» ресурсов. Диспозиция основной массы населения («народа») – пассивно-паразитическая. Большая часть населения муниципальных образований не участвует в решении общих дел, лишена ресурсов и несамостоятельна в решении значительной части своих проблем.

Во всех случаях установки сознания основных акторов муниципального пространства ориентированы почти исключительно на себя, характеризуются настороженностью и низким уровнем доверия друг к другу.

Утверждение идеи солидарности и на её основе консолидация общества возможны лишь при условии радикально диспозиционной трансформации. Диспозиция власти для этого должна стать созидательно-партнёрской (приоритетным в таком случае становится не распределение ресурсов, но создание условий для их воспроизводства при взаимодействии с другими акторами); диспозиция бизнеса – социально ответственной; диспозиция населения – активно-трудовой. Мы полагаем, что только при условии этих изменений возможна трансформация массовых представлений в направлении от несправедливости – к справедливости и от отчуждения – к лояльности.

Довольно очевидно, что рассматриваемая в таком ключе проблема консолидации муниципального образования становится фундаментальной проблемой перекодировки общественного сознания на основе изменения мотивации социального действия основных статусных групп. Решить её невозможно, реализуя краткосрочные планы мероприятий. Для этого необходимы разработка и осуществление долгосрочной и технологически обоснованной стратегии развития муниципалитета, разрабатываемой и реализуемой как социальный проект. Это значит, что его инициаторы должны быть настроены на получение уникального результата, иметь ясный план его достижения (разработка таких планов была предпринята в Белгородской области), способны оценить риски и минимизировать их, готовы к управлению изменениями. Сегодня можно лишь в самом общем виде сформулировать необходимые для реализации проекта содержательные решения и действия. Главное из них заключается в целенаправленном и последовательном формировании в муниципальном образовании духовной атмосферы, основанной на признании, на первый взгляд, очевидного требо-

Диспозиция муниципальной власти в настоящее время может быть определена как административно-дистрибьютерская. Утверждение идеи солидарности и на её основе консолидация общества возможны лишь при созидательно-партнёрской диспозиции власти.

вания обязательности соблюдения легитимированных социальных норм всеми акторами, вне зависимости от статуса, заслуг, культурных традиций или обстоятельств. Несмотря на очевидность, эта задача является исключительно трудной в силу распространённости правового нигилизма и ситуативной морали.

Изменению диспозиции власти будут способствовать: постоянная оценка населением руководителей и чиновников и принятие на её основе решений в отношении их профессиональной карьеры; воспитание будущего чиновника с акцентом на развитие у него рефлексивного мышления.

Для модификации диспозиции бизнеса важно перераспределение доходов в общественных интересах через налоговую систему; обеспечение прозрачности бизнеса; создание условий, стимулирующих реализацию социальных проектов.

Для изменения диспозиции населения необходимы: стимулирование участия в производственных и общественных проектах; постепенный, но последовательный вывод людей из сферы влияния массовой, преимущественно телевизионной и интернет-культуры, которая в большинстве случаев системно развращает людей, сужая их горизонт мировосприятия до уровня таких явлений, как деньги, удовольствия, насилие; формирование культурного кода солидарности у детей в системе образования.

Заключение

Таким образом, анализ проблемы консолидации местных сообществ в России даёт основание утверждать, что, несмотря на наличие у этой идеи сторонников и существования объективных предпосылок к консолидации, она вряд ли практически осуществима в обозримом будущем. При этом основные причины минимизации возможностей консолидации связаны не столько с социальной дифференциацией муниципальных образований, сколько с дискредитацией в сознании значительной части населения парадигмальных оснований концепции солидарности – справедливости и лояльности. Восстановление их значимости представляет собой сложную в мировоззренческом и технологическом отношении задачу. Опыт реализации стратегии формирования регионального солидарного общества в Белгородской области показывает: ни региональная, ни муниципальная власть в полной мере к этому не готовы и в силу отмеченной выше склонности к имитациям предпочитают скорее демонстрировать консолидационные усилия, нежели реально работать над решением проблемы. Идея консолидации чаще всего трактуется властью как идея поддержки властных институтов. Однако отказ от её решения, обусловленный вполне понятными ссылками на отсутствие

Изменению диспозиции власти будут способствовать: постоянная оценка населением руководителей и чиновников и принятие на её основе решений в отношении их профессиональной карьеры; воспитание будущего чиновника с акцентом на развитие у него рефлексивного мышления.

Идея консолидации чаще всего трактуется властью как идея поддержки властных институтов.

опыта, дефицит ресурсов и неблагоприятную внешнюю среду, сокращает шансы на формирование комфортной для человека муниципальной социальной среды и обеспечение конкурентоспособности местных сообществ.

Библиографический список

Бергсон А. 1994. Два источника морали и религии. М.: Канон. 384 с.

Горшков М. К. 2011. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф. 672 с.

Давтян Д. В. 2015. Реализация гражданского контроля в практике местного самоуправления. Диссертация ... канд. соц. наук. 22.00.08. Белгород: НИУ БелГУ.

Добрынина Е. 2016. Рабочая полночь // Российская газета. 11 января.

Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков / Сост., авторский текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.

Кармадонов О. А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.

Клачков П. В., Подъяпольский С. А. 2014. Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: ЛЕНАНД. 528 с.

Крупник П. Л. 2010. Россия и современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. М.: Наука. 568 с.

Морозова Т. И. 2013. Регулирование процессов самоорганизации молодёжи в социокультурном пространстве региона. Диссертация ... докт. соц. наук. 22.00.08. Белгород: НИУ БелГУ.

Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.

Передельский Д. 2016. Сам такой! // Российская газета. 24 марта.

Роговая А. В. 2014. Проблемы правового нигилизма: конфликтологический анализ // Мониторинг правоприменения. № 1 (10). С. 31–33.

Российская провинция и её обитатели (опыт наблюдения и попытка описания). 2011 / Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Крашенинникова Ю. А., Тукаева А. Р., Моргунова О. М., Ахунов Д. Э., Бойков Д. В. // Мир России: Социология, этнология. № 1. С. 3–33.

Соловьев В. С. 1988. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль. 895 с.

Тоффлер Э. 2009. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ. 669 с.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.396](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.396)

The Problems of Consolidation in Local Communities

Babintsev Valentin Pavlovich

Doctor of philosophical sciences, Professor, Head of the chair of social sciences, Belgorod National Research University, Belgorod. Russia. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Abstract. This article analyzes the possibilities for consolidating local communities, the term referring to those who live in different municipal formations, ranging from a rural settlement to a city district. Evidence is brought forth to support the notion that the need for consolidation is defined by the purpose of local community reproduction, together with increasing its competitive capacity. Consolidation is seen as the process and result of inhabitants reaching an agreement with one another, establishing relations based on mutual trust and cooperation in conditions where social differentiation indeed exists. The practice of implementing a "Strategy for creating a regional solidary society" in Belgorodskaya province during the course of the last five years is used as a basis to prove that the consolidation of a society begins specifically on a local level with the establishment of trustful relations within a neighborhood/family territorial commune. What kick-starts the consolidation process on a local level appears to be the phenomenon of solidarity as a mass-consciousness guideline. This includes three interconnected principles: first of all – the intention to act according to what is fair; second – loyalty, which in itself is, according to T. Parsons, the willingness to react to a properly "justified" call made on behalf of the group, or in the name of social interests or necessity; third – the voluntary willingness and ability to take responsibility for your actions in accordance to legal and moral standards. Analyzing the results of the monitoring study "Evaluating the effectiveness of implementing the "Strategy for creating a regional solidary society", which was conducted in the region from September to October 2015 by the social technology department of the Belgorod State National Research University (n = 1000 respondents, multi-stage and quota sampling), has shown that diminishing possibilities for consolidation on a local level have to do not only with social differentiation in municipal formations, but also with a significant proportion of values such as fairness and loyalty being discredited in the minds of the populace, together with a low level of institutional and interpersonal trust.

Keywords: local community, municipal formation, municipal authority, solidarity, fairness, social conjunction, social disjunction, consolidation, loyalty.

References

Bergson H. Dva istochnika morali i religii [Two Sources of Morality and Religion]. Moscow, Kanon+, 1994. 384 p.

Davtian D. V. Realizacija grazhdanskogo kontrolya v praktike mestnogo samoupravleniya [The Implementation of Civil control in the Practice of Local Self-government]. Diss. cand. soc. sci. 22.00.08. Belgorod, NRU BelSU, 2015.

Dobrynina E. Rabochaja polnoch' [Working Midnight]. Rossiyskaja gazeta, 2016, 11th January.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is: (Experience of Sociological Diagnosis)]. Moscow, Novy khronograf, 2011. 672 p.

Karmadonov O. A. Solidarnost', integracija, konjunkcija [Solidarity, Integration, Conjunction]. Sociologicheskie issledovaniya, 2015, no 2, pp. 3–12.

Klachkov P. V., Podjapol'skij S. A. Gumanitarnye tehnologii i celostnost' gosudarstva [Humanitarian Technologies and Integrity of the State]. Moscow, LENAND, 2014. 528 p.

Kordonsky S. G. and oth. Rossiyskaja provincija i ejo obitateli (opyt nabliudenija i popytka opisaniya) [Russian province and its inhabitants (experience of watching and trying to describe)]. Mir Rossii: Sociologija, etnologija, 2011, no 1, pp. 3–33.

Krupnik P. L. Rossija i sovremennost': problemy sovmeschenija. Opyt racional'nogo osmyslenija [Russia and Modernity: Problems of Combination. The Experience of Rational Thinking]. Moscow, Nauka, 2010. 568 p.

Morozova T. I. Regulirovanie processov samoorganizacii molodiozhi v sociokul'turnom prostranstve regiona [Regulation of the Youth Self-organization Processes in the Socio-cultural Space of the Region]. Diss. .doct. soc. sci. 22.00.08. Belgorod, NRU BelSU, 2013.

Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 270 p.

Peredel'sky D. Sam takoy! [You Are the Same!]. Rossiyskaja gazeta, 2016, 24 March.

Rogovaja A. V. Problemy pravovogo nигilizma: konfliktologicheskij analiz [Problems of Legal Nihilism: Conflictological Analysis]. Monitoring pravoprimenenija, 2014, no 1 (10), pp. 31–33.

Soloviov V. S. Sochinenija [Oeuvres]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl', 1988. 895 p.

Toffler E. Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka [Metamorphoses of Power: Knowledge, Wealth and Force at the Threshold of XXI Century]. Moscow, AST, 2009. 669 p.

Zlatostruy. Drevnaja Rus' X–XIII vekov [Zlatostruy. The Ancient Rus in X–XIII centuries]. Moscow, Molodaja gvardija, 1990. 304 p.